

И вблизи в белизне утонает кладбище, нарядно, снегом
... Ни души, ни следа. Холодеешь, поступи своей не
... не слышишь. Не глух ли — страшись.

Затянется, съжмется дух, сдавит грудь. Вокруг безветри-
... ни какой глумится. А то ослабится, зазовет тайно...

От тропи, по левую руку, могильные огибая ограды, тащит-
... ртало прихрамывая, старуха. Волокет на себе крест здо-
... ный, цепи торчат из корней креста, оставляя в сугробах
... борозду.

Длинный ватник да валенки, вытертый до основы платок,
... , окутал сухую головку. Топорик за кушаком поблес-
... . — Теперича здесь не хоронят, ни, уж как два лета...

Вот и церквуха, — склад ниче. Протопрей Сергей забро-
... каньями: де в стену бросали дети, кто куда попадет.

Души на теле его, штукатура... Рамы иконные, до по-
... — безликий иконостас. Щепень, от телеги колеса, дерь-

... да голубиazine. Над кованными покалеченными
... богоматерь с мазутными мушкетерскими усами. Напро-

... лада розовой известковой кляксой, с траурным кантом
... и окнах — постройка — сторож был. А за ней, в на-

... , наконец, и двор разбросан. Один двухэтажный дом
... меньше изби — все дерево. Посредине двора для воды

... и два столба для белья, с веревкой...

Гусавя плывет подрагивая калитка, ветхая, покосившая-
... живо вылиничываясь в забор, туло ударяет засов. Старуха,

... , напряженная, и кряхтя и останавливаясь, вцепив-
... вставшими пальцами в крест, втаскивает его в свое и-

... . — Двери на крик, вот и дома... Теперя дня на два ква-
... . — бормочет старуха. Заиндевели ручки дверей и стекла.

... , в оконце, в щелях бумага — не дуло чтоб. Потирая
... , волношная, достала свички и, осторожно чиркнув, све-

... . — Вот и дома, в дому наконец. Засуетилась, со-
... . — Утодрала сперва одну с креста полонину,

... нула да топориком в цепи, и затопила печь. Разгорает-
... . — Ты ж, сила дьявольская! Сидит старуха у двери, гре-

... . Хорошо разгорается, жарко. Освещает жилище. Блещет,
... . — Цвете цвет обон в цветочках. Через перегородку — нифо-

... без двери, со сваленным в кучу лежалым бельем. Рядом

лижак деревянный. Подушка — наволочка, набитая тряпьем. По-
крывало, скатерть на колченогом столе, занавески, дряблые
и помятые.

— Вот и тепло скоро, вот и вольготно. — Раскраснелась
старуха, скричилась и к огню поближе. Паучиха. И во дворе
дрезнят. — У-уу-у! Пауков, вишь, много, а я и люблю их, на-
вось. Даром что не животные. Супротив люблю.

Вспрыгивают блики огня по комнате, подмигивают, возделывают.
Крест бывший стоит, накрепился в углу. Ая дровина и все тут.
А крест. — Да и на завтра будет. Подкинула старуха цепок и
спать. Спать — маяться. Ибо сон ей один все мерещился глу-
хой. Будто в доме у ней снегу навалено пухе. Морозно и до-
ма. Она же, как есть, с лежанки, в рубахе своей босая, по
дворнику мимо церквушки на кладбище по тропе трусит. Доскакала,
глядь — пустирь! Господи! Ни креста тебе, ни ограды. Могилы
голые. Вдруг в спину ударил кто. Обмякла в сугробы, поворо-
тила голову — ая, колокол бьет в тумане, в чаду, на звоннице
полночь. А звону-то вроде и нет. Где ж звон-то? Где ж ему
даться? Нету... Глядь, впереди-то вдруг крест мелькнул, боль-
шой деревянный, теплый... К нему рванулась, к спасению. По
сугробам ползком, руки в кровь, рожу в снег... А в банше-то:
"Тепло в доме будет, тепло — Африка!" А он что? Дальше и
дальше... Ползи, говорит, мол, Дашка! Да где ж ей старой-то
доползти, господи!!! — захлебнулась, — и снег. Да и пусто.

Цветы на обоях, объемные вдруг, после чего вянут, кук-
нут и отпадают от стен, ударились мягко и протгившие полови-
цы, потом выедают их, оставляя желтые дыры роз. Растут. Пол
сначала, потом до лежанки, до потолка. Розы: черные, желтые,
красные... Комната роз. "Вот тебе и венки, Дарья". Дышать
невозможно, тесно. И небо вдруг, ой как странное небо. Необъ-
ятисю вроде паутиной затянуто. И огромный паук в паутине
той корчится. И мороз — тишина. И не светлого пятнышка. И
все.

Потом-то уже рассветает.

Нет сна. Вот что.

Но жутко-то. Все ведь заранее знаешь. Точно тебе карти-
на давнишняя. Вот и мучайся.

Завечерело. Ненастье. На двор выглянешь — вот оно, твоё новое место, здесь и жить. Приспало нафталином дома. На зиму, на лето... Похрустывают по морозу шаги, скользко, лет-лет — а проедешь.

— Будем знакомы. Саня. Восемь лет за рулем.

— Привет, козь не путись. Николай — килец.

— Ишь, молодец. Слыхала, да... Ишь ты, какой орел-то.

Ничего себе... Вот...

— Комната эта хорошая. Раньше Дарья, старуха жила, знаешь? Беспорядочная, ничего себе... Да ты не смущайся. Лампочка есть. Порядочек наведешь... Из кубейки пол-литра, с мармана огурчиков трое, для счета.

— Не против?

— Что уж...

Со знакомства подружились и повелю...

— Тоска, веришь-нет, тем только двор весь и держится. Сладкошам... И-да... Пробавляемся, мать твою не так. Веришь-нет, как дело к вечеру, так и сгущают. Кто ограду древесную, кто что. Иные-то запасаются.

— Ишь ты...

— Точняк! — Он говорит грубо, доказывая, громкая по столу кулаком для большей достоверности.

— Веришь-нет, деревянных крестов почти и нема, посрубали. Мать твою не так. Выпьём! Люблю её, паскуду, не скрываю. До кромки лей, до кромки, под поясок Дуныкин. Ишь диколон, ишь! Забьём до потери пульса! Ишь! Прошла... Я тебе больше скажу, — вона, когда бы сосед наш, Федька-стервец, так он, веришь-нет, старый памятник снимет, да продаст его другому покойнику. Денег получит до хрена. Мраморный ведь. Мать твою не так. Дорогой нынче. Вот. Да, тем только и держимся все.

— Понятно...

— Да тебе что: "Понятно"! — горячится Саня. — Ничего тебе не понятно. Килец. Раз — и съехал. Да и мне тоже — хахель! Явно так сержант с отделенья записывал... "Бывает мол так, то сожитель, Ангустини-хозяйки хахель, по кличке "Санька". Паскуда!!! Да, чувства моего не трожь... Да я поживу мол и съеду. Смакаешь? Так-то... Ох-ох-хо! Молчишь?... И пить-

то пусто. На дне пустое. Ладно, пойду... И ты клезень. Мани-
ный беспокойство.

- Да чего там, Сань, сиди, что уж...

- Нет, надоела, вижу, пойду. Здоров будь!

- Как знаешь.

Он идет переваливаясь, пошатываясь, но застревает в
дверях, оборачивается, в своей распахнутой рубашке, выпущенной
рукав рубашке, и одной огромной ручищей с растопыренными
топорными пальцами держась за почти отодранный от частых
заломов косяк, а другой убирая со лба слившиеся волосы, хри-
пит:

- Да, засыл... На кладбище-то, говорю, сбегай. Не бойсь.
Это же так только - кладбище... Аи вовсе нет, деревья и
есть деревья. Что уж тут... Сад - тихо, уютно. Сломаешь
крестик, так дна на два и хватит. Проверено. Дрон-то пока
есть. Извиняй. Пошел. Ох, мать твою не так...

Да и я пошел, как стемнело вовсе, вскоре пошел, на
кладбище. И взял. Спать можно. Да и чего? Там никому, услов-
ность, а мне все польза. Да и дна на два, на три хватит. А
там...

На Леонтьевском-то не хоронят ниче, уж как два года.
Мест нет. А потом вообще, говорят, парк поставят, сравняют
могилы с землей. Все земля. Качели, карусели, колесо черто-
во. И жалеть-то нечего. Все прошедшее будет.

х х х

Воскресенье - нелюбимый. Еще с ночи думаешь, наконец
заснуть, но просыпаешься рано и легко и не можешь заснуть
снова. Пускаешься на уловки: переворачиваешься с боку на бок,
притворяешься спящим, потом долго смотришь в потолок, потом
в окно, потом приходится мириться с тем, что мечта провести
большую часть дня в постели остается несуществующей. А вне-
реди еще целый день. Долгий день неистраченного времени, кото-
рый, как кажется, злорадно поджидает тебя, чтобы снова схва-
тить и, бросив в свой неудержимый поток, поджать под себя и
снова закружить, пока еще хватит сил... Но нет. Все случается
проще. Гораздо проще. Медленно приходит день и медленно, как
всегда, проходит стороной. И хочется напиться. И не на что.
Тут и ощущаешь, что день действительно наступил. И уже ничего

не хочется.

х х х

- Катя, Катерина! - она остановилась на улице, обернувшись.

- Привет.

- Ты откуда?

- Из дома.

- Где пропадала?

- Я?

- Ты, конечно.

- Да дела, понимаешь, Коленька, все дела.

- Понятно. Пакеты, оетки...

- Я к бабке, в дом престарелых. Она у меня там живет сейчас.

- Возьми с собой, а то скука мне одному ходить.

- Пошли. Только там веселее не будет. Там страшно. Дом смерти. Старички, старухи. Есть больные, но в общем - старые просто. Увидишь. Все понимают. Смотрят, будто не ту сторону вглядываются. И все видят, как там. Согнали их в кучу на старости лет. Доминать. А гостей любят. Услуги начнут предлагать, кто может. Сходить, принести. И не отказывать лучше, обидятся. Один старичок, помню, пел, как увидит меня: "Среди шумного бала, случайно..." - голос такой тусклый, качается. Сейчас его уже нет. Я, говорит, пел в молодости, а служил, я, говорит, артистом был...

Вылетает изо рта пар, туманит лицо. Толкают прохожие. Катина говорит скоро, с короткими паузами, между которыми видно, как она живо себе это представляет. Идут они под ручку в дом престарелых. А за спиной следом две тетки:

- Сама видела.

- Ну? Прямо на кафедре, так и померла?

- Да. Сидела на табуретке. Приберет и сидит. В туалете.

Ты же видела? Смотрю - накренилась и хлоп! Перепугалась я...

- Да-а. Сколько лет-то ей было?

- Не знаю, с виду за шестьдесят.

- Ну тогда... Сам бог велел.

- Да уже не скажи...

Навстречу из-за угла маленькая, чистенькая черная болон-

на. За ней дорожная раскрасневшаяся баба с сеткой с яблоками в одной руке и цепочкой в другой.

— Сылька, сылька! — кричит. — Куда!!! Под машину попалась, стерва...

Растянулась.

— Яблочки, мои яблочки.

Раскатились яблочки по снегу.

х х х

И оставались одни провалы. Нет, еще иногда — раздражающие. Ночи, как заплатки на распадающихся днях, бессмысленные перемены, когда, растворяясь во тьме, омуцаешь пространство свободнее, его больше. Нет форм и пределов. Неосознанное, невесомое и бессвязные часы... Ушли и они. Осталась конка.

Черная лохматая зверюга, упругая в движениях, мудрая, с холодным носом и горячим дыханием. — Маргарита. Маргарита, дом кладбище. О, Маргарита, хотя бы одно светлое пятнышко на Вашей шерсти! — Нет. — Она презрительно мяукает, потягивается и неслышно спрыгивает с кровати. Нет, у нее нет ни одного светлого пятна, у нее есть только зеленые глаза, длинные заворачивающие глаза. Королева. Она не ловит мышей и не ловит крыс. Вообще ничего не ловит, кажется, все приходит к ней само. Каждый вечер она встречается у порога, радостно мяукает и ласково трется о ноги. Когда нет денег, лучше держать конку.

Потом исчезла и Маргарита. В доме не было дров, в доме было холодно. Вода в унитазе не текла. И свечи по ночам не спасали. И это был не дом. Осталось кладбище. Оно было всегда. И эти дни, недели, — как ветер палетели, пронеслись сквозь озябшее тело, оставили за собой пустоту, боязнь ее, страх. И не было под ногами почвы... И это как бы во сне: полет, свободное и вечное падение.

Необходимость, инстинктивное стремление хоть к какой-нибудь определенности и безотчетная вера в эту условность, возвращали на землю, хоть к какой-нибудь жизни. И так всегда.

Хозяйка вечером: — Коленька, я возьму сиденчик?

— Возьмите, Августина Александровна. Только в нем лед. Пятьдесят килограммов льда.

- Ничего, унесу. Бражки хочу сварить немножко. Заходи.
- Зайду, спасибо.

х х х

Гулает за стеной бедька на покойничские деньги, звенит посуда, течет горячая, переливается на скатерку белую.

- Пей, Сань, пей, не кобенись. Вдоволь лакай, до бряка. У меня иначе понос совсем ладный.

- Во, во! Мать твою не так. Давай их, бедька, и в хвост и в гриву. Сади!

- Куда ж он от меня денется? Куда ж от меня денешься, касатик родненький? Покойничек ненаглядный. Батиньку поможешь как? По-людски. Памятничек, оградку. А где ж их взять на сворота руку? Да в горе? Вот и я. Хитро?

- Хитро.

- Так что кунец по этому делу сговорчивый. Пей, пей, Санька. Варвара, тащи кратву! Зикась давай мне...

- Да иду св. Иду. Разгулялся. Знаем твои гулянья. Ишь, ишь. Блудник. Подбоченный. Думаешь, комбинашку справил, да бабаки Танька, так и король? А где другие дела? Где деньги-то? Небось не раскиснешь? Может эта рубаха твоя дареная кому не в размер пошла, так мне?

- Молчи, сука! Остерегись, говорю. Хуже будет. Гоню кратву!

- Да подавись!

- Ух прибыль!

- Да сиди ты, Федя. Бабье дело пустое. Пусть ее малют. А мы гуляем! Уйди, Варька.

- Э-эх! "Моя Манька от тоски проглотила три доски-и..."

- Ты чего не пьешь, Федь?

- Пью.

- Не пьешь... Вона.

- Чего не пью? Да не лезет, вот и не пью.

- Да ну?

- Вот тебе и "да ну". Не лезь и точка. Ты понимаешь?

- Не понимаю.

- Я уже и так и эдак. В который раз. Не пойму. Не идет.

- Чудно.

- А я тебе вот что скажу. Только тсс... Может приключи-
сь мне отястка какая? "Оттуда?" А? Как думаешь?

- Ты чего эта? Про бога что ль? Никак с ума слезишься.
История. Ты чего эта? Пей, Малыша, мать твою не так. Оно
ничего нету. Это я тебе говори, Санька Холосин. Живи, по-
живется.

- А може ось?

- Нету. Было бы, так это самое, давно бы свету навзвиде-
ли. Нету.

- Эх ты, дурья башка. Ну будь здоров!

- Твое. Э-эх прошла. Огурчики. Хорошо. Помидорчики.

- С души веротит, ей-богу. Тыфу ты, мать твою. Не сла-
вно. Болею! Чую, болею, Сань!

- Да брось ты это! Брось!

- И за измену и за покойничков. Ох, болею. Болею! Варь-
ка, подь сюда! Подь, сюда, говорю. Пей с нами за мое здоро-
вье! Слышь? Аль нет? Эх, одна дорога. Твоя правда. Кто-то
и нашим крестом побалуется...

- Ничего, ничего, доченочка, - причитает Варька, мерно
раскачиваясь на сером крашеном табурете в запертой чадной
кухне. Ребенок, завернутый в одеяло, неуклюже лежит на ее
коленях и изредка всхлипывает. - Ничего. Вырастешь, за тако-
го парня дадим. Как за стеной жить будешь. По моде. По-чело-
вечья. И чтоб не был и чтоб денюгу зашибал. По всем прави-
лам. Эта нам жизни нет. Даст бог, померем с мучений. Чтоби
рому эту пьяную не видеть. Нам все одно мучиться. Сиди, доче-
ра, не хничь. Сиди.

х х х

В этот год зима накатилась внезапная, наслаждаясь похи-
щением осенней непогоды, омертвевшие листья, сухую
траву... Ставшие вдруг обнаженными растерянные, чахоточные
деревья зябли, прикрываясь тонкой коростой инея. Прохожие на
улицах редкие, быстрые. Торопились, в шарфы закутавшись по
уши. И нельзя было угадать ни одного лица. И ночь. Дымил в
ватник, обгоняла и, вдруг разворачивалась, глядела в упор.

Бросил ее у порога, сам наскочив в темноте на стол, за-
гребав посудой, чертыхнулся, задержал занавески и выключил

настольную зеленую лампу. Стояла сосутулившись, с черных
тупоносых сапогов стаявал, разливаясь лужицей, грязный
снег. Двигала в застывшие ладони, откинув со лба прядь по-
высыхавших влажных волос. Оглядывала комнату: стол, зава-
ленный объедками и посудой, над ним ядовитый оранжевый аба-
жур с засаленными кисточками, огурки, бутылки, печка, за
перегородкой в прихожей — кухня. Еще шифоньер, старый с но-
выми матовым петлями, за ним кровать, незастеленная, обоя
старое, залипанное, в цветах. Ходики на стене тикают. Он
вспоро закидывал вещи в шифоньер.

— У меня здесь небольшой беспорядок, прости.

— Ничего, ничего. Не стоит. Здесь хорошо. Тепло. —
Она улыбалась. Он помог ей раздеться. Медленно одергивая
короткую юбку, стеснялась длинных красных ног, провела через
плечу и села на небрежно прикрытую полосатым пледом кро-
вату. Растопил печь. Вошел, погасил свет, сел рядом, о сте-
ну облокотился, в цветах голова — венки.

— У меня раньше черная конья была. Маргарита.

— Черная? Маргарита? Красиво...

Дрова потрескивали, охнула, раскрылась дверь, обдало
запахом стены.

— Я тебя, Катя, со страха взял. За себя, со страха.
Бойсь я, понимаешь? Все ушло от меня. Голый. Не я остался.
Катенька, я не знаю, я сказать не могу, как муха, пеня...
И все ушло...

— Я... знаю. Все чувствую, Коленка, милый мой. Я и
тоже... Мне тоже, быть может, всех страшнее... Я и помню.
Я, кажется, знаю...

Странно взглянула она, вскочила быстро, неверной рукой
растегивать стала кофту, потом юбку... К стене отвернулася.

— Ну! Смотри на меня. Смотри же...

— Катенька!

К нему рванулась, за собой потянула властно, будто
свое.

— Слушай, миленький, будем любить друг друга, давай?
Всем назло. Всегда. Всю жизнь может быть. А? Ну же! Вдвоем,
вместе!

Как много целовала его и ласкала. И он тоже старался

из всех сил. Они друг за друга цеплялись. Они смертельно
хотели быть Воедино. Вдвоем.

Трава. Вишня. Тутовник. ФуникULER. Венеция. "Дьявол и
десять заповедей". Трава густая по пояс, ее большие и малые
стебли, в них можно прятаться, могут порезать тело. Притор-
ная мохнатая кашка, незабудки, логички-цветочки. Тутовник.
Тут белый, "там" — черный, красный, неспелый. Абрикосы. Ин-
тер. Виноградник. "Дамские пальчики". Десять вишневых дере-
вьев. Одно — олива — само по себе. Вишни когда цветут, вишни
когда отцветают. Ягоды. Сначала зеленые, кисленькие, некус-
ные. Все сначала зеленое и запретное. Девчонки. Собаки. Мно-
го их. Разные. Неприязнь к собачникам с длинными аллюминие-
выми палками с петлей-ремнем на конце. Камни в них. Платя из
восков. Куклы, мишки, ссоры. Лили. Оли. Битые стекла соседей,
создания якобы врагов (потом уже нет), якобы уничтожение
оных. Краденные папиросы, окурки "Беломорканал" (заедать чес-
ноком и луком), вино "Гизия чербет" — красная роза — отвра-
тительная и сладкая. Личные ночи. Тайны. Влечения. Недоступ-
ные фильмы. Море-озеро. Нет море. Цили. Песок. Нефть. Запах
нефти. Набережная. Венеция. Маленькая искусственная Венеция
с каналами и мостиками и ароматным, зазывающим запахом шампан-
ки на островках. Все смутное, носатое и усатое, с модными уз-
лами, длинными на заказ туфлями. ФуникULER. Чудо огня, Парк
"Кирова". Чертовое колесо. В этом детстве черт ногу сломит.
Колесо. Еще велосипед "Орленок". Голки. Асы. Машины. Моссе.
Два финский домик с шиферной крышей. Две комнаты, кухня. Печь
угольная. Потом газовая. Лампа керосиновая. Часто рвутся про-
вода. Ветер, сильный, сбивающий ветер. Пыль. Семь слонов, се-
рый волк, балерина, китайский розовый болванчик покачивает
головной: все на эриале. Пинино. Слякоть. Ожидание вечером
отца с работы. "Белая несмелая ромашка полевая, ты лежишь на-
матая на пыльной мостовой. Счастье мое, где ты? Цепел сигаре-
ты..." Акжурди. Мама. Ожидание. Домработница, винивающая доб-
рая тетя Дуся. Дом гудит в ветер. Ударил ногой по стене — то-
же гудит. Город-центр. Базар — зелень, зелень. Цветы, много
цветов. Лили. Оли — с детства. Курносая и остроносая. Бой-деви-
ца и девица не бой. Деревья — ветвистые, удобные. Зелень, зе-
лень, самолеты...

В четыре еще темно, и в пять, и в шесть, и в восемь...

Зима. Утро сквозь щели штор, хрупкие лучи его сначала до губ, до носа, глаза. Раскрыл их. Не спал давно. Не хотел. Подперев рукой лохматую голову — разглядывал ее лицо. Не спала тоже давно.

— У тебя волосы крашенные...

Неловко. Голос чужой после долгой ночи; слова — мыльными пузырями. Летели медленно, неожиданно лопались, пятались на стены.

— Да.

Лицо помятое, выцветшее и голос — без грима, косметики.

— Да, да. Чужие.

Лежали тихо и неуютно. Откинула простыню, встала, быстро, бесшумно прокралась к окну. Занавески зашуршали, раскрылись. Неуклюже утро ввалилось в комнату. Вывалилось. Она же на фоне огромного этого пространства и света казалась крошечной и прозрачной почти в прозрачной своей сорочке.

— Я ухожу. Занятия. Домой надо идти.

— Ты учишься?

— Да. В гимназии учусь. В техникуме.

Медленно стала одеваться. Тихо прикрыла дверь и вышла, никто не слышал. Воронки во дворе, откуда понаехали? Облепили деревья, летают, кричат, шуют...

— Самочувствие противное, — подумала. Тихая улица, сердце слышно. Похрустывают сапоги по снегу слышном громко. Ночью паровозы кричали издали на станции, о рельсы бились. Нет крови. Катятся, ловят свою дорогу. Пошли, попробуй... Гудки отстает, остаются, живут, будят.

Бабушка в доме еще спит. Вспомнила, в коридоре там "босо-вой листок" есть:

"В нашем доме исправном
Неполадки мы найдем,
Поработаем мы славно —
Надоделки изживем.
Разговор мы поведем
О житье и быте нашем:
Как едим картоку, кашу,
Каждый день комлотик пьем..."

Нет сна. Сидел на кровати. Свесил ноги, уставился на

дверную ручку, — недавно тихонько щелкнула. Ключи в скважине от толчка позвякивают. Пустая комната стала. Стол да кровать. И ночью — подумал, — пустая была... Кровать, стол. Духно. Часы на стене не дышат. Встал, подошел, открыл окно настежь. Резко ударил воздух. Запинаясь с улицы морозом да светлым туманом утра.

х х х

И швыряло его от сугроба-то до сугроба и с деревня ли-
кравлю и било. И тело больно било и раню. И распластавшись
— замер в снегу до рассвета. Загубила денка. Ох как забрало.
Пустой до дому вышел.

— Ну-к, жена, растворяй ворота, — дурным кулачком за-
бил по двери.

— Ворота, слышь, растворяй, наскуда!

Затревожился за дверью плач испуганный детокши, зашлепали
босонжы в коридоре.

— Варька!...

Тянина.

— Варвара!!! — заорал истошно, срываясь.

За дверью хрипкий, переходящий в визг голос:

— Явился! Кобель мелуцкии. Опять с этой сухой блудил,
подлеца!

— Варвара!

— "Варвара"! Змеяга ты подколодная. Аи опять все прошил,
сволочь!

Забуянил ногами по двери.

— Открой, говорю, хуе будет. Открой!

— Что б ты издох, зараза, под дверью!

— Варька!

— Убирайся, откуда пришел!

— Не впустишь?

— Нет.

— Разорю весь дом!

Защепенели, порассыпались стекла. Закачала с кулаков
кровь.

— Убью, не взоишься, Федор. ИИ-богу, убью!

— Ну смотри, Варька. Ну смотри же...

Крутило от ярости, от бессилья. Постаривал ремень, застегивал по осям, и двери прихою. Нет сил.

- В последний раз говорю - отворишь?

- Нет!!!

- Ну смотри... ну смотри же...

Закружило его, зашатало, понесли руки веревками. Нет сил.

- Ну смотри же... Смотри, подруга. Возьмешь меня, как же, не дамся... Зинка, моя Зинка! Ну, смотри же! Ох, болю...

Скрился на кладбище, за деревьями, за собой оставляя след путаний и кровавых.

х х х

Заголосила баба, раскачивая головой рыжей и курчавой, из стороны в сторону:

- О! Ох-ох-ох-о!!! Милая! Саня! Са-ня!!

- Са-ня, Са-ня - Санька-то, еще со вчера еще бухает, на ошкварелье.

- Чего орешь-то? Орешь-то, говорю, чего? Толком сныки.

- Не знаешь? И не ходи, не ходи, говорю. Сиди, Сиди.

Види, милая ты мой человечек! Господи! Виночку ведро к мусору, мать божья, за ограду глядь - висит.

- Что висит-то? Висит-то что?

- Господи помилуй, бедька нам, вот что. Бисельник! Одна нога на плите могильной, другая в воздухе.

- Ну?

- Молодой-то, какой, красивый!

- Ну?!

- На веревке-то для белья и повесился. Теплый был еще. И документы при нем все. Мать божья, что и такое творится! Сиди на милость, что ж?

- Ну-у-у!? Эх...

- Я-то трогать не стала, не связывалась. Подалась к Верке, а она уж на работе. Господи! Вернишь-нет, в милицию звонить побоялась. А они - пока, говорят, не остынет, не будем ехать. Чтоб мороза меньше. Не приведи господи. Что же делать теперь будем? В свидетели ведь потянут. А? Что будет-то?

- Да ничего и не будет. Молчать и точка. Не знаешь. Не знала. Айда поглядим, как опинать-то будут. Чай приехали уж.

Накинул кубейку. Во двор нырнул. — И впрямь народу —
на женщины niente.

— Молчать и точка. Мол не в курсе. Понятно?

На пригорке машина, возле мусорки. Милиционер выскочил
даловой.

— Разойдись!!! — скомандовал. Чует власть. Подался на-
зад народ. Перементивались. Осмотрели эксперты. Сфотографи-
ровали. Напеваает под нос. Деловой.

— Все один. Тыфу. — Слышу. — Мерзость. Ну-и подсо-
си. Сняли, в машину бросили, побуксовали в сугробах. Хлоп-
нули дверцами, увезли.

— Ну-с, — молодецкий лейтенант с усиками, — где ж жена?

— На работе она, — бабка выкрикнула и осеклась.

— На работе. Понятно. А зноши кто?

Означенье в толпе.

— Гутька-та?

— Августина-та?

— Александровна-та? — На нее оглянулись. Стоит, след-
дует.

— Понятно, — перекрыла милиция. Стихли, не разгуляны-
ся.

— Ну-с, Августина, как? — Достал книжку для записей,
жаренца послышал.

— Александровна.

— Запишем.

— Ничего не видела. Ничего не знаю. Не видела. Не
знаю... Не-ви-де-ла.

— Проходите, гражданочка. На месте и разберемся.

— Ей-богу, не видела. Как есть ничего не знаю. Ни-че-
го.

— Не отпирайтесь, гражданочка.

— Ой, господа, товарищ лейтенант... — Пошли к дому.

Остался народ. Стоит из у дал. Мнется.

— По такому случаю пропустить не грех.

— Да-а.

— Ироды.

— Молчи, бабка.

— Ну, должно быть, оттого и помер.

— Все там будем, — Похлопал Санька себя по ляжкам, от

назюда. И затрусил к дому.

Баба внучке: — Ничего он не пил. Не пил, так это факт. Это все она, баба. Она его и стубила. Я-то все видела. Все знаю, только молчу.

Подружка ей, созапечни:

— Я-то думала ты следующая... А тут, подишь ты, мне сварили. Смерть-то у нас не за горами, а за плечами.

— А почему же это я-то?

— А потому что ты-то.

— А почему это я, а не ты?

— А потому что ты.

— Нет, ты.

— Нет!

— Да!!!

— Дура ты, соь твою мать! Поидем, Танечка.

Расходились все. Одна осталась давка, работница Зинка, с красными тязалами веками, опухшим утомленным лицом, в желтом пальто с одной пуговицей, застегнутой возле воротника мехового меха.